

А.А. Максимов

ГОК ИЭ и А музей – заповедник «Старая Сарепта», г. Волгоград
БЕЗОПАСНОСТЬ КОЛОНИИ САРЕПТА В 1771 – 1774 гг.

Колония Сарепта была, как известно, основана в 1765 г., с разрешения российского правительства, выходцами из германских земель – членами религиозного объединения «Евангелическое Братство» или «Евангелический Братский Союз», именуемыми также гернгутерами (от названия местечка Гернгут в Саксонии, где в 1727 г. было образовано Братство). Создавая колонию, евангелические братья ставили своей целью миссионерскую деятельность среди нехристианских народов Нижнего Поволжья, прежде всего калмыков.

Для исследования избран период с 1771 по 1774 гг., поскольку в данный период наиболее рельефно проявились угрозы, потенциально существовавшие с момента основания колонии до конца 70-х гг. XVIII вв.

Целью данной статьи является: 1) анализ угроз, существовавших для колонии Сарепта в рассматриваемый период; 2) анализ деятельности российских властей; 3) анализ восприятия угроз жителями колонии и их реакции на таковые.

Первой серьёзной угрозой, с которой пришлось столкнуться колонии Сарепта стала угроза нападения со стороны взбунтовавшихся торгутских калмыков. Колонизация нижневолжского региона, приводившая к сокращению пастбищных территорий, сужение автономии Калмыцкого ханства и частое вмешательство в его жизнь российских чиновников, а также массовое обращение калмыков в православие, с последующим переходом обращённых к осёдлому образу жизни – всё это вызывало тревогу и недовольство как среди калмыцкой знати и духовенства, так и среди рядовых калмыков. В этой связи в правящих кругах ханства зародилась идея откочёвки на прежнюю родину – в Джунгарию, вошедшую в 1758 г. в состав Цинской империи. Данные настроения поддерживались Далай-ламой VII, а также цинским правительством. Характерно, что нойон Замьян сообщал астраханскому губернатору Н.А. Бекетову о планах калмыцкой элиты ещё в феврале 1767 г., а затем также в 1768 и 1769 гг. Однако, эти сообщения были проигнорированы губернатором. В марте 1769 г., получив аналогичные сведения из другого источника, Н.А. Бекетов всё же счёл нужным уведомить полковника И.А. Кишенского, осуществлявшего непосредственный надзор за Калмыцким ханством. Впрочем, И.А. Кишенский также не придавал значения данной информации. В апреле 1770 г. Н.А. Бекетов сообщил о своих подозрениях в Коллегию иностранных дел, которая, однако, сочла их безосновательными (3. С. 133 – 134; 6). Таким образом, российские власти, не доверяя поступающей информации, бездействовали.

В январе 1771 г., сочувствовавший сарептянам, зайсанг Тохмут – один из представителей калмыцкой знати, прибыл в Сарепту. Гость сообщил о намерении Большой (Торгутской) орды покинуть пределы России и переселиться в Китай, предварительно разграбив все поселения, расположенные между Царицыным и Астраханью, включая Сарепту. Торгутский тайша Бамбур (Бамбар) намеревался, в частности, захватить в рабство и увести в Китай сарептского врача, ремесленников и всех работоспособных мужчин. Тохмут сообщил, также, о твёрдом намерении Малой (Дербетской) орды, из которой он сам происходил, сохранить верность российской короне. Форштеер Даниэль Фик поспешил довести эти известия до сведения царицынского коменданта и, замещавшего астраханского губернатора, генерала фон Розенберга (5. Л. 161об.).

«Вскоре, - писал летописец Сарепты Х. Зутер, - мы велели зарядить наши пушки и все были бдительны и готовы защитить наше поселение от первых же нападений». Комендант Царицына выслал в Сарепту около сотни рекрутов (5. Л. 163 об. – 164). Пропуская через своё поселение калмыков Дербетской орды, гернгутеры при въезде забирали у них оружие, возвращая его при выезде. «Это, - отмечал Х. Зутер, - были действительно мрачные для нас дни и часы, потому что мы не знали когда и с какой стороны на нас нападут» (5. Л. 161об.). Однако, внезапно наступившая оттепель вызвала таяние льда на Волге. Данное обстоятельство не позволило калмыкам-торгутам переправиться на её правый берег и атаковать Сарепту (5. Л. 164об.).

В течении нескольких недель, сарептяне, по словам Х. Зутера, находились в «боязливой неизвестности» относительно намерений Дербетской орды (5. Л. 161 об.). Вскоре через Сарепту проехал капитан Шапкин, по поручению царицынского коменданта направлявшийся в Дербетскую орду. «Этот офицер, - сообщает Х. Зутер, - дрожал и трясся, и мы не преминули подбодрить его» (5. Л. 163об. – 164). Несколько дней спустя Шапкин вернулся в Сарепту и сообщил, что тайша Цебек-Убуши и все зайсанги Дербетской орды сохраняют верность российской короне. Известие вызвало в Сарепте немалое облегчение. В Дербетскую орду были направлены «братья» Х. Хаммель и К. Найц, дабы выразить Цебек-Убуши своё почтение и поздравить его с принятым решением.

«Теперь, - писал Х. Зутер, - мы начали постепенно оправляться от страха, становилось всё яснее, что нас не тронули, и калмыки, оставшиеся по эту сторону Волги, будут и впредь мирными и спокойными» (5. Л. 164).

В конце января дербетские калмыки стали вновь посещать Сарепту и «были столь же дружелюбны как прежде». Цебек-Убуши написал письмо форштееру Даниэлю Фику, выражая просьбу взять под защиту калмыков, расположившихся близ Сарепты, от возможных обид со стороны русского населения, озлобленного разбоями бежавших торгутов (5. Л. 165 об. – 166).

Бегство богатой и многочисленной Торгутской орды имело тяжёлые последствия для Сарепты. «Легко понять, - писал Х. Зутер, - что, из-за бегства калмыков, колония потеряла выгодные перспективы в отношении экономики» (5. Л. 165 – 165 об.). «Торговля, - отмечал А. Глич, - получила смертельный удар и никогда больше не процветала так, как прежде» (1. Л. 75). Потеря рынка сбыта привела к резкому сокращению объёмов ремесленного производства (5. Л. 165 – 165 об.).

В апреле 1773 г. комендант Царицына И.Е. Цыплетев сообщил в Сарепту известия, повергшие её обитателей в состояние шока. Находившиеся под следствием в Царицыне, главари разгромленной разбойничьей шайки сознались в своём намерении, с помощью речного судна, напасть на Сарепту в ночное время и подвергнуть колонию полному разорению. Численность шайки составляла около 60 человек. Некоторые из её участников прежде работали в Сарепте по найму и были хорошо осведомлены о положении в колонии. По приглашению И.Е. Цыплетева, несколько «братьев» прибыли в Царицын и присутствовали при допросе злоумышленников. В связи с этими известиями, в колонии была назначена постоянная ночная стража, а в устье Сарпы постоянно дежурил верховой дозор, готовый, при приближении подозрительного судна немедленно сообщить в Сарепту (5. Л. 193).

В мае 1773 г. стало известно о другой шайке, насчитывавшей более 100 человек и располагавшей 3-мя судами с лёгкой артиллерией. Шайка, уже успевшая разграбить одну из русских деревень, обосновалась на волжском острове, в 10 верстах от Сарепты. В колонии были усилены меры безопасности: увеличена численность ночной стражи, имевшиеся в поселении 9 пушек, были постоянно заряжены картечью (5. Л. 194).

В октябре 1773 г. в Сарепту стали поступать первые известия о восстании под предводительством Е. Пугачёва. «Умы всех людей, - писал Х. Зутер, - были заняты этим и ослепление простого народа было столь велико, что они считали обманщика законным узурпатором [так в оригинале – А. М.] и освободителем от всех обязанностей подданного, и из-за этого, в чаянии лучших времён, ожидал его прибытия с весьма неприятным для законопослушных людей удовольствием, на него не действовали никакие разумные возражения» (5. Л. 194об.). «Дух к возмущению, отмечал, - Д. Фик, - в простом народе так распространялся, и наконец так умножился, что уже братья не знали, где бы они от сего разбойническаго духа в безопасности быть могли» (4. С. 165).

С декабря 1773 г. стали поступать сведения о нападениях киргиз-кайсаков на приграничные поселения. Близ Чёрного Яра был разграблен соляной склад, 12 человек кочевники увели с собой. Канцелярия царицынского коменданта письменно предупредила руководство общины о грозящей опасности. В Сарепте вновь были удвоены сторожевые посты, приведены в готовность пушки, в хуторе Шенбрунн находилась казачья команда. Вскоре стало известно о нападении киргиз-кайсаков на казачьи поселения выше Царицына. Кочевниками было захвачено в плен около 150 человек. К отражению набегов были привлечены регулярные войска под началом майора Дитца (5. Л. 194об. – 195об.).

В течении зимы 1774 г. Сарепта постоянно находилась под угрозой нападения киргиз-кайсаков. Лишь с началом ледохода на Волге колония, расположенная на правом берегу реки, перестала подвергаться этой опасности (5. Л. 204об.).

Однако, летом и осенью 1774 г. целый ряд немецких колоний подвергся нападениям и грабежам. В июле 1774 г. Контора опекунов отозвала воинские отряды, охранявшие колонии, в Саратов, на защиту города от войск Е. Пугачёва. О том, что колонии остались без охраны, вскоре стало известно киргиз-кайсакам, не замедлившим воспользоваться ситуацией. С 27 по 31 августа были разграблены 9 колоний, расположенных по р. Караман: Тонкошуровка, Крутоярровка, Раскаты, Суслы, Остроговка, Хайсоль, Липовка, Липов Кут, Осиновка. Было убито 16 мужчин, одна женщина и двое детей. Пропавшими без вести считались 32 мужчины, 34 женщины и 78 детей. 24 октября нападению подверглась колония Кочетная. Кочевники увели с собой одного работника и одного ребёнка. 25 октября были разграблены колонии Ровная, Кустарева и Краснорыновка. Два колониста были убиты, 273 захвачены в плен (7. С. 144). Приведённые факты свидетельствуют о том, сколь серьёзной опасности подвергалась Сарепта в конце 1773 – начале 1774 гг.

Из Царицына, 23 июля, было сообщено в Сарепту о взятии Казани войсками Е. Пугачёва. Вскоре, 4 августа, стало известно о приближении повстанцев к Саратову и оборонительных приготовлениях в Царицыне (5. Л. 207 – 207об.). К этому времени пугачёвцы успели побывать в ряде немецких колоний. В Екариненштадте, Борегарде, Привальной, Краснополье, Зауморье, Степной, Вольской, Яблоновке, Берёзовке, Кочетной, Казицкой, Поповкина, Тарлыке, Тарлыковке, Скатовке, Ровной имели место грабежи. Елшанка и Починная подверглись серьёзным разрушениям. Гололобовку Е. Пугачёв приказал сжечь за неповиновение. Жителям удалось спасти свою колонию, подкупив мятежников, назначенных для выполнения приказа. В Степной был повешен форштеер Нильсен, в Привальной мятежники повесили 6 (по другим данным 7) человек. В то же время, в тех колониях, где повстанцам по первому требованию выделялись подводы и находились желающие их сопровождать, грабежей не производилось. Таким образом смогли избежать разорения Таловка и Норка (7. С. 136 – 137, 2. С. 91 – 98).

В Сарепту, 8 августа, прибыли первые беженцы из Саратова, со слов которых колонистам стало известно о бесчинствах, творимых пугачёвцами. Известие о взятии повстанцами Камышина пришло 16 августа. Утром 17 августа в Сарепту прибыла супруга коменданта Цыплетева в компании ещё нескольких женщин, которые направлялись в Астрахань и были, по словам Х. Зутера, «полумёртвыми от страха». От них сарептяне узнали о поражении отряда Дитца и переходе большей части калмыков на сторону повстанцев. И.Е. Цыплетев предлагал руководству колонии подумать об эвакуации жителей. Вечером того же дня женщины и дети были отправлены по Волге в Астрахань на 10 рыбацких судах, нанять которые удалось с немалым трудом. Наиболее неприятным для сарептян стало появление на берегу двух всадников, угрожавших рыбакам расправой за помощь, которую те оказывали колонистам (5. Л. 208 – 209).

Оставшиеся в Сарепте мужчины, во главе с Д. Фиком спешно устраивали в подвалах тайники, где складывали продовольствие, различные товары и ценные вещи. Находившиеся поблизости калмыки заняли откровенно враждебную позицию, попытавшись угнать скот и разграбив опустевший хутор Шенбрунн. В то же время, находившиеся в Сарепте солдаты, по приказу И.Е. Цыплетева ушли в Царицын, предварительно сняв с лафетов и зарыв в землю 12 казённых пушек. В распоряжении колонистов осталось лишь 9 пушек, принадлежавших колонии. Вечером 19 августа несколько сотен калмыков попытались ворваться в колонию, но были отогнаны холостым залпом из пушек. Группа калмыков, 21 августа, снова попыталось проникнуть в Сарепту, но вновь была отогнана несколькими ружейными и одним пушечным выстрелами. Группа расположилась неподалёку, наблюдая за происходящим в колонии. Прибывшие, вскоре, 10 казаков вынудили калмыков отступить (5. Л. 209 – 212). «Всего более странна, - писал Д. Фик, - нам показалась неприятельская мысль дербетьевых калмык, которых мы за несколько дней чрез наше местечко против возмутителя проезжающих видели, кои после в малых кучках возвращались и, ужаса достойною склонностью духом к смятению наполнены, то в малых то в больших шайках на нашу колонию, на скотный двор и деревушку Шеинбрун,

как истинные неприятели, нападение чинили и чрез то братьев принудили чрез несколько дней оружием обороняться, дабы чрез то колонию от грабительства избавить» (4. С. 166).

Вскоре, 21 августа, в Сарепту вернулся один из «братьев», отправившийся было в Царицын, но по пути ограбленный калмыками, и сообщил о приближении пугачёвцев. Встревоженные сообщением, гернгутеры немедленно отправились в путь на 14-ти подводах, запряжённых быками и лошадьми. Д. Фик с другими двумя «братьями» оставался в Сарепте до последнего момента и покинул колонию когда повстанцы находились в 4-х верстах от неё (5. Л. 212 – 213).

Узнав на следующий день о бегстве сарептян, Е. Пугачёв пришёл в негодование, выслав вслед погоню. Лишь по счастливой случайности, сбившись ночью с почтового тракта, колонисты смогли избежать расправы (7. С. 139).

Эта группа колонистов 23 августа прибыла в Енотаевку, где им вскоре стало известно о полном разгроме войск Е. Пугачёва (5. Л. 221об.). В Сарепту, 2 сентября, прибыли четверо «братьев», дабы оценить состояние колонии. Зрелище было ужасающим: «мы с огорчением нашли наш прекрасный церковный зал преднамеренно злобно изувеченным, окна разбиты, двери сорваны, люстра сброшена, все шторы сорваны...и клавесин и орган разбиты...зал был заполнен перьями из постелей, разбитыми сундуками и ящиками, разорванными бумагами и книгами... вся церковная утварь и служебные одеяния были похищены, не в меньшей степени разграблены и рассеяны изрядная церковная библиотека и архив колонии. С таким трудом замурованные и спрятанные подвалы повсюду были раскопаны и вскрыты, а комнаты в домах были заполнены разломанными и лежащими друг на друге столами, стульями, ящиками и сундуками, обилием грязи и обломками до такой степени, что едва можно было войти внутрь. В самих домах окна были разбиты и выброшены, двери выломаны, печи опрокинуты, полы взломаны и перерыты... Внутри и вне поселения всё было всё было заполнено разбитыми и разломанными ящиками, разломанной мебелью, рассыпанными мукой и зерном, а вытряхнутые из постелей перья покрывали всю площадь, как будто прошёл снег. Мёртвые люди, лошади и собаки лежали среди руин и были убраны прежде всего, чтобы исчез непереносимый и вредный запах. Неизвестно было, откуда начинать уборку, т. к. куда ни взглянешь, всюду была мерзость запустения» (5. Л. 223 – 224об.). Ущерб, понесённый колонией, составил, по различным оценкам, от 67,5 до 70 и даже 80 тыс. рублей серебром (7. С. 140). «По существу, - писал германский исследователь Х. Хафа, - в тот момент Сарепта была банкротом, т. к. не только всё было отброшено к началу, но и все деньги, вложенные в промыслы и фабрики, должны были считаться потерянными» (8. Л. 73).

Таким образом, Сарепта оказалась единственной из немецких колоний, которую, при приближении повстанцев, покинули все её жители. Данное обстоятельство спровоцировало, помимо грабежа, также жесточайший погром колонии.

Подводя итог, следует сказать:

1) обстановка в регионе в рассматриваемый период отличалась крайней степенью нестабильности и расположенные здесь немецкие колонии подвергались воздействию сразу нескольких угрожающих факторов. К числу таковых следует отнести: а) бегство из пределов России торгутских калмыков, сопровождавшееся нападениями на населённые пункты; б) действия разбойничьих групп; в) крестьянская война под предводительством Е. Пугачёва; г) набеги киргиз-кайсаков;

2) российские власти, по возможности, принимали определённые меры по обеспечению безопасности Сарепты. В тоже время, в момент приближения войск Е. Пугачёва немецкие колонии, включая Сарепту, оказались предоставлены собственной судьбе;

3) население Сарепты, достаточно адекватно воспринимая существовавшие на тот момент угрозы своей безопасности, проявляло готовность к самозащите, в то же время, рассчитывая на помощь властей. Не получив таковой при приближении войск Е. Пугачёва, руководство общины сочло необходимым эвакуировать колонию, не рискуя оставлять население на милость повстанцев.

Библиографический список

- 1) Глич А. История братской общины Сарепта в Восточной России в течении её столетнего существования. Ниске, 1865 / Архив ГОК ИЭиА МЗСС. Перевод с нем. Л.М. Донской, Ф. 6342. НК.
- 2) Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000.
- 3) Дорджиева Е.В. Власть и традиционная калмыцкая элита в XVIII в. (открытая интеракция и скрытые транскрипты) // Власть, 2009, № 4. С. 131 – 135.
- 4) Донесение форштеера колонистов Сарептинской колонии Фика Д. о взятии Сарепты войском Пугачёва Е.И. // Крестьянская война 1773 – 1775 гг. в России. М., 1973. С. 165 – 169.
- 5) Зутер Х. История братской общины Сарепты 1765–1775 / Архив ГОК ИЭиА МЗСС. Перевод с нем. О.В. Зайончковской, Ф. 3146(2). НВФ.
- 6) Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.
- 7) Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008.
- 8) Хафа Хервиг История Братской общины Сарепта / Архив ГОК ИЭиА МЗСС. Перевод с нем. О.В. Зайончковской, Ф. 3. 14900. ОФ. V НК.